

УДК 340

Социологические предпосылки общеправовой теории изучения маргинальности**Степаненко Р.Ф.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Академии управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье рассматриваются теоретические концепции и положения социологической науки, лежащие в основе изучения общих и специфических закономерностей, причинности и т.д. формирования отчуждения, девиации и других форм правонарушающего поведения.

Ключевые слова: отчуждение, дифференциация, стратификация, мобильность, маргинальность.

Маргинальность, как междисциплинарное понятие, синтезирующее в себе комплекс гуманитарных и естественнонаучных знаний, употребляемое для обозначения специальных характеристик лиц (групп), находящихся в пограничном и отчужденном положении по отношению к доминирующим социальным структурам общества и его соционормативной системе, имеет относительно недавнюю историю изучения российской правовой наукой, примерно с 80-х годов XX века. Становление и формирование правового подхода в маргиналистике (общей теории) обусловлено научным интересом юриспруденции, в т.ч. в связи с изучением маргинального – как одного из видов отклоняющегося (девиантного) поведения, оказывающего свое преимущественно негативное влияние на нормальное функционирование общественного устройства и, в частности, на такой его элемент как правопорядок.

В свою очередь, предметная область социологии, имеющая своей задачей изучение вопросов, «что такое общество и как оно возможно?», представляющая собой совокупность практик, которые изначально формировались в рамках европейской интеллектуальной традиции через познание социальной реальности (социума), «природы» и механизмов действия социальности в различных ее реализациях, с 20-х годов прошлого столетия в число объектов своего познания включает такое социальное явление, как маргинальность. Сложившиеся внутри социологии тенденции к максимальному расширению своей предметной области до совокупности теоретико-методологических знаний об обществе в целом; об обществе как тако-

вом; редукции своего предмета к иной, более широкой категоризации социальности в формате как традиционных, так и новых выдвигаемых концепций, указывают на целесообразность в целом, а также в контексте изучаемого феномена маргинальности, обращения как непосредственно к методологическим подходам этой области социальных знаний, так и к многообразию иных научных гуманитарных и естественно-гуманитарных направлений и концепций.

Представляется, что такое научное и многоаспектное осмысление Общества социологией, которое через открытость и необходимость более глубокого познания сущности социальных явлений генерализирует синтез философско-социологических, социолого-политологических, социолого-правовых и другой совокупности общественно-научных познаний дают возможность формирования многоуровневого, от микро- до мегатеоретического, представления о нем. Как видится, изучение в социологическом ракурсе феномена маргинальности, являющегося частью такого целого как Общество, базируется на таких основополагающих для этой сферы понятиях и категориях как: социальное взаимодействие, социальная структура, социальная стратификация, дифференциация, социальная организация, социальная мобильность, институционализация и др., которые формируются и сами образуют объяснение разнообразных форм социального взаимодействия. Данные аспекты исследования искомой проблемы и изучение их влияния на процессы маргинализации (в т.ч. в области теоретико-правового изучения особенностей и закономерностей формирования маргинально-

го поведения) трактуются, однако, неоднородно или разнообразно как непосредственно в социологической теории, так и в маргиналистике.

Преследуемая нами задача изучения наиболее общих и специальных закономерностей, причин и условий, обуславливающих у индивидов (групп) формирование специфических маргинальных свойств поведения при помощи социологических познаний, продиктована рядом как чисто научных, так и, в частности, профессиональных соображений следующего характера. По нашему мнению, правовой подход в маргиналистике испытывает заинтересованность и, вероятно, все-таки нуждается в объяснении отдельных концептуальных ее положений при содействии социологических обоснований. Это обусловлено, во-первых, необходимостью интегративного понимания причинности маргинализации, детерминированной/ недетерминированной такими процессами как социальная стратификация и дифференциация и др. Во-вторых, теоретико-правовое осмысление объективных и субъективных предпосылок формирования маргинальных проявлений при помощи социологических, социолого-философских и социолого-правовых положений приблизит к более предметному рассмотрению социально-психологических аспектов и особенностей личностной маргинализации. В свою очередь, совокупность таких познаний должна способствовать объяснению свойств и степени влияния маргинальных структур на преобразования в сфере социального взаимодействия, социальной мобильности, социальности и др. в организации общества.

В этой связи важно отметить, что академическая зарубежная социология, основоположниками которой различные школы называют Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, М. Вебера и многих других, главную задачу социального познания усматривает именно в объяснении и формулировке универсальных, не зависящих от времени и пространства, закономерностей и особенностей поведения человека в социальной организации. Решение этой фундаментальной задачи осуществляется в социологии разными способами и подходами как через уяснение причин и свойств взаимодействия структурных механизмов, связанных с сохранением устойчивости и стабильности социальной системы, так и посредством рассмотрения социально-психологической структуры социального взаимодействия, изучением роли человеческой личности, человеческой природы и т.д.

Значительное место в эволюции зарубежной социологии этого этапа, в том числе и для сферы нашего исследования, имеют такие научные концепции и направления как: теория социальной дифференциации (Зиммель); позитивная социологическая теория (Дюркгейм); бихевиоризм – как поведенческая парадигма социологии (Уотсон, Тард и др.); фундаментальные положения марксистско-ориентированного

подхода и т.д., которые, на наш взгляд, послужили предвестниками общей теории маргинальности. Кроме того, в ее формировании значительное место занимают теория социологического психологизма, повлиявшая на определенную переориентацию социологии на проблемы человека, т.е. антропологизацию социальной науки, и культурологический подход в социальных исследованиях (Вебер, Дарендорф, Козер, Лукач, Сорокин, Тэрнер и др.).

Автор концепции маргинальности Роберт Эзра Парк (1864-1944), являвшийся одним из основателей Чикагской социологической школы, в 20-е годы прошлого столетия, занимался изучением образцов коллективного поведения, формирующихся в ходе эволюции общества как организма и «глубоко биологического феномена». Р. Парк считал, что помимо социального (культурного) существует еще и биоэтический уровень, лежащий в основе всего социального развития, эволюция которого проходит через четыре стадии: экологическую (пространственное, физическое взаимодействие), экономическую, политическую и культурную. По мере продвижения к культурному порядку усиливаются социальные связи (пространственные, экономические, политические, духовно-нравственные), содержащие биотическую стихию, и общество достигает оптимальной «соревновательной кооперации» и «согласия». В нем взаимодействуют «социальные атомы», и их социализация является основой и прообразом деления на «биотическое» основание и социальную надстройку в развитии этого общества. Если на макроуровне биотические силы проявляются в экологическом порядке, то на микроуровне биотическая природа человека (как условие его изначальной свободы) выражается в способности к передвижению, в пространственном взаимодействии, миграции. Последняя, как форма коллективного поведения, образует экологический порядок общества. Социальные преобразования в этом порядке, по мнению Р. Парка, связаны, прежде всего, с изменением моральных норм, индивидуальных установок и сознания «человеческой природы» в целом. Такие изменения автор обосновывает глубинными, биотическими индивидуальными трансформациями и связывает их в первую очередь с физической, пространственной, затем и социальной мобильностью. В рамках данной концепции Р. Парк разрабатывает теорию «социальной дистанции», в которой исследует культурную мобильность, связанную с процессами миграции, и, находясь в этот период под влиянием немецкой социологии, а также основываясь, в частности, на теории «социальной дифференциации» Зиммеля, формирует понятие «маргинальной личности» в работе «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928 г.) [1, с. 256, 257].

Тогда же Р. Парк вводит в научный оборот понятие «маргинальность», в основе понимания которого, в том числе, лежат концепции «отчуждения» и «конф-

ликта» Г. Зиммеля, изложенные в работе «Социальная дифференциация» (1890 г.). Рецепция «отчуждения» Зиммеля, в отличие от К. Маркса, считавшего, что устранение отчуждения является основанием для возврата к родовой сущности человека, напротив, основана на том, что именно отчуждение создает соответствующего времени человека и обуславливает его индивидуализацию и социализацию. В этой связи и определенные различия дальнейших исследований маргинальности зарубежных (Головенски, Гурунг, Колмэр, Леви-Стренже, Манчини, Стоунквист, Хьюз, Шибутани и многие другие), а также отечественных основоположников маргиналистики (Атоян, Стариков, Червинская, Шапталов, Кравченко и др.), на наш взгляд, основываются, в том числе на *дуалистическом понимании концепции отчуждения Зиммеля и Маркса*, первую из которых, в своем большинстве, поддерживают зарубежные, а вторую – российские исследователи.

Само же понятие маргинальность, обладая таким свойством как «эластичность» [3, с. 182, 183], указывает на характер ее (маргинальной ситуации, положения, свойства и т.д. – Р.С.) значительной подвижности и динамичности, а проблемы научного обоснования и выделения новых подходов к изучению этого феномена, редуцирующие его новые формы, обусловлены развивающимися процессами глобализации, научно-технической интеграции и иными аспектами трансформаций, связанными, в том числе, с изменениями границ социальных структур общественных устройств.

Между тем, по мнению исследователей, как общая теория маргинальности, так и само научное понятие, раскрывающее суть изучаемого феномена, обладают значительным эвристическим потенциалом, способствующим раскрытию сущностных характеристик различного свойства взаимодействия. Что же касается непосредственно маргинальности и множества элементов и структур социума, то традиции ее классической школы и научно-категориальный аппарат, выработанный этой наукой, безусловно, способствуют верификации идей построения любой, в том числе и теоретико-правовой концепции маргинальности, в особенности, и с помощью ряда отмеченных нами фундаментальных социологических теорий, содержащих в себе своеобразный симбиоз гуманитарных, естественно-гуманитарных и, собственно, сугубо социологических подходов, на рассмотрении отдельных из которых мы остановимся.

Одной из них, ставшей своего рода «диагностированием» общественного организма буржуазного общества периода конца XIX – начала XX в., является теоретическая концепция, изложенная в работе «Социальная дифференциация. Социологическое и психологическое исследование» (1890) Г. Зиммеля (1858-1918). Ее отдельные положения были представлены в России в работе П.Б. Струве «Критичес-

кие заметки к вопросу об экономическом развитии России (1894)» и вызвали значительный интерес у российской интеллигенции того периода. В 1909 г. уже вся работа Г. Зиммеля была переведена с немецкого на русский язык известным украинским правоведом и социальным философом Б.А. Кистяковским и приобрела большую популярность в научных кругах России.

Рассуждая о законах социального развития и месте дифференциации в этом процессе, Г. Зиммель во введении к теории познания социальной науки отмечает, что нельзя говорить о законах социального развития, потому что движение каждого общественного элемента подчиняется естественным законам; но для целого законов нет. Здесь, как и во всей природе, нет высшего закона, который господствует над законами, управляющими движением мельчайших частиц, объединяя их к одному и тому же результату, поэтому и дифференциация не является особой силой или законом, вторгающимся в игру первоначальных сил социального образования; она есть выражение для форм, создаваемое действиями разных элементарных сил. Настоящей реальностью, по мнению Зиммеля, являются отдельные люди и их отношения, которые образуют настоящий объект науки, а для понимания общества мы должны, возможно, точнее различать реальные существа как объективные единства, а также их соединения в комплексы (ассоциации, кооперации), которые как таковые существуют лишь в нашем синтезирующем духе. Общество есть единство, состоящее из единств: там, где выработались формы права, нравов, общения, к которым присоединяется или должен присоединиться всякий, вступающий в известное пространственное сосуществование с другими, – там повсюду мы имеем дело с обществом [6, с. 13-23], считает Г. Зиммель.

Рассматривая процессы формирования общественных устройств, автор отмечает, что именно социальное соединение является для людей одним из самых существенных средств в борьбе за существование. Чем меньше та группа, которая нужна человеку для поддержания своего существования, тем более он должен с ней слиться. Обособленность, отрешение или *отчуждение личности* от этого количества (ассоциации, кооперации) – т.е. общества – происходит при помощи *совокупности полученных или унаследованных свойств и жизненных отношений, доставляющихся индивидууму*. Чем более очевидна такая совокупность, тем вероятнее перспектива освободиться от целого ряда коллективных отношений ради других. Степень служения человека обществу выше там, где притязания социальной группы по отношению к отдельному человеку выдифференцировалась настолько, что получили строго определенные границы (в том числе и с помощью права). Там же, где общественные отноше-

ния имеют беспорядочное смещение, сплетенное из различных жизненных ситуаций, как раз и возникают возможности отчуждения в противоположную общественным интересам сторону, отмечает автор [6, с. 35-39].

Как видится, данное утверждение Г. Зиммеля указывает не только на необходимость социальной дифференциации, но и на такую степень ее институциональности, при которой как раз и возникает гораздо меньше возможностей для отчуждения. Более того, автор считает, что приведение общественной структуры к одному уровню является нежелательным, «нивелирование масс является по общему правилу коррелянтом деспотизма» [6, с. 79].

Исследуя роль формы и функции дифференциации относительно ее практического интереса, Зиммель классифицирует ее на *индивидуально-психологическую*, т.е. смешанную из индивидуальных и социальных мотивов, и собственно социальную, совокупность которых, по мнению Зиммеля, *побуждает нас в большинстве случаев к деятельности*, определяет ее и составляет основу для прогрессивного образа действий. В то же самое время процессы дифференциации могут, конечно, происходить и в сторону «уродливого и дурного», вести к явлениям весьма «безобразным» и возвращать общество на примитивную ступень развития. Однако, заключает автор, «дифференциация есть то, что разъединяет, и поэтому она есть то, что соединяет» [6, с. 104-107]. Для этого, по мнению Зиммеля, в том числе необходимо и такое нормативно-правовое обеспечение общества, в котором будут существовать законы, основанные на праве отдельной личности (как в германском праве), а не на праве общины как всеобъемлющем целом, требующем соответствующего поведения от индивидуумов – подчинения этому общему (как в римском всемогущем государстве) [6, с. 81].

Рассуждая о принципах формального равенства, которые должны быть закреплены в законах, Зиммель отмечает, что необходимость их институционализации возникает постольку, поскольку «хотя каждый и представляет из себя нечто особенное, но равен каждому другому». Прежде всего, продолжает автор, обязанности должны исполняться перед самими собой, не как людьми, принадлежащими к тому или иному кругу, но как *людьми вообще*. Принуждение же должно применяться для того, чтобы создавалась привычка или склонность к нравственному поведению [6, с. 87-89], и в этом «нужно убедить каждое достаточно развившееся сознание» [6, с. 131].

Зиммель считает, что всепроникающая и многосложная правовая система вырастает там, где появляется соответствующая дифференциация между положением, призванием и состоянием отдельных людей, при которой возникающие вопросы и споры разрешаются не примитивным правом, а правом *всесторонне удовлетворяющим и сохраняющим все*

то, что соответствует нравственному сознанию любого человека. В этом смысле многообразие социальных уровней, достигающее равновесия общего порядка, должно устанавливаться и поддерживаться в форме «компромисса». Такое положение будет даже там, где возрастающая дифференциация создает и находит такие формы публичного выражения, которые воплощаются в разнообразных стремлениях и образах жизни и совместного существования *только на основе права и нравственности* [6, с. 138], заключает автор.

Таким образом, своеобразное переплетение философского, социологического и, в некотором смысле, правового ракурсов анализируемой проблемы социальной дифференциации во взглядах Г. Зиммеля, с одной стороны, отмечает объективную необходимость дифференциации общества, при которой индивидуальное не редуцируется и не вытекает полностью из социального. С другой стороны, без существования дифференцированных, созданных и функционирующих на основе права и нравственности ассоциаций или корпораций (общества) мы не можем понять «индивидуального», имея в виду значимость упорядоченности всевозможных, в т.ч. партикулярных взаимодействий в этом обществе.

Как видится, учение Г. Зиммеля, оказавшее серьезное влияние на зарубежную и отечественную социологическую школу, на самом деле, сподвигло его последователей на дальнейшее развитие его идей в разнообразных теориях (Л. Визе, Д. Лукач, Р. Парк) и дало возможность оценить этого социолога и философа, по словам Ю. Хабермаса, как «непревзойденного диагноста XX века, увидевшего такие проблемы, с которыми человечество продолжает сталкиваться сегодня» [7, с. 368].

Анализу маргинальности как структурной подсистеме социального устройства, где объектом исследования становятся, прежде всего, социально-отчужденные, изолированные и находящиеся за пределами сложившейся структуры общества индивиды или группы (страты), уделяется значительное внимание в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. В этом смысле, по мнению известной западноевропейской исследовательницы Б. Манчини, уместно было бы отметить, что понимание маргинальности исходит также от Маркса и Энгельса, которые, однако, в большей степени сосредотачивают свое внимание на социальном, чем на личностном, происхождении этого феномена [3, с. 189].

Революционный императивизм неизбежного разрушения капиталистического общества Маркс и Энгельс выводили из концепции всевозрастающей маргинализации и пауперизации буржуазного общества, тезисов о технологической безработице и тенденций роста «резервной армии» труда, обусловленных в том числе процессами дифференциации. Авторы отмечали, что значительные массы людей

внезапно и насильственно отрываются от средств существования и выталкиваются на рынок труда в виде «поставленных вне закона пролетариев». В определенном смысле избыточное население, которое появляется в результате основных противоречий капиталистического способа производства объяснялось как проблемное и дифференцировалось на несколько категорий «относительного перенаселения», в частности: сельскохозяйственных рабочих, стоящих «одной ногой в болоте пауперизма»; застойное перенаселение, характеризующееся крайней нерегулярностью занятий, в отношении которого законы капиталистического общества напоминают «массовое воспроизводство индивидуально слабых и постоянно травимых животных видов»; низший слой – обитающий в сфере пауперизма [8, с. 600-601].

Рассматривая всеобщий закон капиталистического накопления, К. Маркс и Ф. Энгельс анализируют социальную структуру капиталистического общества, где уделяют отдельное внимание положению его «низшего слоя». Авторы отмечают следующее: «Если оставить в стороне бродяг, преступников и живущих проституцией, – короче говоря, весь люмпен-пролетариат в собственном смысле этого слова, то этот слой общества состоит из трех категорий: ... во – первых: работоспособные..., чья масса увеличивается при каждом кризисе..., во-вторых: сироты и дети пауперов..., в-третьих: опустившиеся, босяки, неработоспособные..., и наконец, жертвы промышленности: калеки, больные, вдовы» [8, с. 601].

Процессы маргинализации К. Марксом и Ф. Энгельсом описаны следующим образом: «поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с той быстротой, с какой он появляется на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно осваиваться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг частью из *склонности*, а в большинстве случаев – *под давлением обстоятельств*» [8, с. 680]. Пауперизм, по Марксу, является крайней формой отчуждения индивидов и социальных групп из системы общественных связей.

К. Марксом и Ф. Энгельсом отмечалось, что объективное развитие производительных сил ведет к рубежам, в которых становится неизбежностью коренная перестройка всей технологической базы общественного производства, обуславливающая промышленную революцию в капиталистическом обществе. При этом в обществе, охваченном промышленной революцией, наряду с процессами изменения и организации производства, аналогично глубокой перестройке подвергается также и социальная структура. Прямым итогом процесса социальной трансформации и дифференциации общества является увеличение его

«социального дна» не только за счет отдельных потерпевших личный крах людей, но и целых «перемолотых» общественных слоев.

Представляется, что синкретизм концепции отчуждения в понимании Г. Зиммеля и К. Маркса, Ф. Энгельса, эклектика их взглядов на проблемы стратификации и дифференциации в то же самое время коррелируются дуалистическим объяснением происхождения фактора отчужденности: как по причине социальных, так и личностных субъективных предпосылок, подтверждаемыми в работах этих авторов, в чем, по нашему мнению, и заключается сходство и различие в интерпретации феномена маргинальности зарубежными и российскими исследователями.

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Баньковская С.П., Парк Р.Э. Современная западная социология. – М.: Политиздат., 1990. – 432 с.
2. Степаненко Р.Ф. Генезис общей теории маргинальности: Криминологические аспекты // Учен. Зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 4. – С. 165-174.
3. Manchini B.J. No owner of soil: The concept of marginalite revisited on its sixtieth birthday // Intern. rev. of mod. Sociology. – New Delhi, 1988. – Vol.18. – № 2. – P. 182-183.
4. Галсанамжилова О.Н. Структурная маргинальность в российском обществе: социологический анализ. Дисс. ... канд. социол. наук. – СПб., 2007. – 148 с.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и пред. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
6. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологическое и психологическое исследование / Под ред. и с предисловием Б.А. Кистяковского. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых., 1909. – 158 с.
7. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1024 с.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Всеобщий закон капиталистического накопления // Избранные сочинения в 9-ти т. – М., 1987. – Т. 7. – 811 с.

Sociological Background of General Law Theory of Marginality

R. Stepanenko
Academy of Management «TISBI»

The article refers to the theoretical concepts and ideas of sociology that are in the basis of research of laws and reasons for forming alienation, deviation and other forms of offence.

Key words: alienation, differentiation, stratification, mobility, marginality.

